

С.И.Каспэ.

МЕЖДУ БЕЗДНАМИ: КАК НАПИСАНА «СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ»

В корпусе трудов Салмина к «Современной демократии» в наибольшей степени приложимо определение *opus magnum* – и просто по объему, и по количеству проговоренных и вскользь проброшенных мыслей, и по их глубине, и по частоте упоминания. Только надо помнить, что определение это весьма неоднозначное; есть в нем что-то от заочно выносимого приговора, уже недоступного обжалованию. Ведь ученый, как правило, не готов признать, что вот эта его книга – последняя взятая вершина, и надеется, что он еще создаст нечто высшее, лучшее и большее. Что для следующей книги еще есть время. И Салмин действительно планировал новый большой труд, в отличие от «Современной демократии», целиком посвященный России. А вот времени у него, как вдруг выяснилось, уже не было.

Так что «Современную демократию» не стоит рассматривать как «завещание» Салмина. Да, это самое развернутое, самое капитальное из доступных нам его высказываний, но оно подразумевало и дальнейшую проработку и уточнение сформулированных в нем воззрений, и отклик, диалог и дискуссию. Диалог теперь невозможен; правда, он и при жизни автора так, увы, и не завязался. Однако есть ощущение, что читать и даже перечитывать «Современную демократию» все равно имеет смысл и сейчас, и в любом сколько-нибудь обозримом будущем. Чтобы поделиться некоторыми предположениями о том, *как и зачем* это стоит делать, и пишется это предисловие.

Но вначале несколько слов о формальной стороне дела. До сих пор «Современная демократия» выходила дважды – или, точнее, под этим названием известны две довольно разные книги. Первый вариант появился в 1992 г. в издательстве «Наука», и полный его титул выглядел следующим образом: «Современная демократия: генезис, структура, культурные конфликты. Опыт Франции в сравнительной ретроспективе». Спустя всего пять лет (причем каких лет!) в книжной серии «Библиотека Московской школы политических исследований» был опубликован второй вариант, именованный уже более кратко и одновременно более концептуально: «Современная демократия: очерки становления»^{*}. Он радикально отличался от первого – одни разделы и фрагменты были исключены, другие (почти половина от общей массы) написаны с нуля, порядок глав изменился в соответствии с новой логикой изложения... Именно «Современная демократия» образца 1997 г. положена в основу настоящего издания. Внесенные изменения носят преимущественно технический характер – устранены очевидные опечатки, описки и неточности, сверены цитаты, приведен в более удобный вид справочный аппарат. Кроме того, мы имели бесценную возможность сопоставить печатный вариант с чудом сохранившейся (на *единственной* дискете 3,5'') авторской электронной версией до последней редакторской правки. В ряде случаев – когда складывалось впечатление, что подразумевавшийся смысл того или иного пассажа подвергся хотя бы незначительному искажению, – нами восстановлен исходный вид текста. Наконец, при сличении обоих вариантов стало ясно, что «Введение» к первому из них, не вошедшее во второй (за вычетом некоторых абзацев, в основном в первой половине текста, и нескольких важных цитат, использованных Салминым в других главах), обладает несомненной самостоятельной ценностью. Оно публикуется в Приложении.

^{*} Это был восьмой выпуск серии – и первый, на обложке которого значилось имя российского исследователя. До того в ней выходили исключительно книги первостепенных западных авторов – Эрнеста Геллнера, Роберта Патнэма, Ричарда Нойштадта... Неслучайное обстоятельство, снайперски точное издательское решение.

Что же до содержания книги, то, кажется, это тот случай, когда для его адекватного восприятия критически необходимо хотя бы частично восстановить контекст, рамочные обстоятельства, в которых оно возникало*. Именно рамочные; подлинное творчество, в том числе научное, всегда сохраняет в себе нечто от тайны, и даже самые скрупулезные разыскания «археологов знания» остаются в конечном счете лишь гипотетическими конструкциями. Здесь такая задача не ставится вообще. Однако внешние факторы все же влияют на индивидуальное движение мысли – в частности, затрудняя поиск в одних направлениях, в других делают его особенно плодотворным, хотя и до некоторой степени вынужденным...

Начну с несколько парадоксального тезиса. Оба прижизненных издания «Современной демократии» появились – с точки зрения их судьбы – не вовремя; оба они только в это время и могли появиться. Это не просто сообщает им дополнительную ценность, делая документами эпохи; это значит, что в иной ситуации высказанное в них и не могло быть сформулировано. Спектр возможностей постоянно меняется, с открытием новых закрываются старые. Салмин воспользовался теми, которые наличествовали одно и полтора десятилетия назад (и это были разные возможности). Теперь они для нас недоступны. Тем внимательнее надо отнестись к научным результатам, достигнутым в невоспроизводимых уже условиях.

Итак, 1992 г. Резкая, режущая перемена всего – и страны в целом, и жизни. Уже подступая к деятельному участию в актуальной политической жизни, Салмин дописывает труд, начатый еще в 1980-е гг. В основу его ложатся страноведческие разработки, выполненные в стенах Института международного рабочего движения АН СССР, затем получившего гораздо более соответствовавшее реальному содержанию деятельности учреждения имя Института сравнительной политологии РАН (а к настоящему моменту, между прочим, ликвидированного – путем слияния с Институтом социологии РАН). Там Салмин занимался преимущественно Францией, и книга, как предполагалось, должна была быть посвящена исключительно этой стране. Вероятнее всего, если бы не события рубежа 1980-х – 1990-х гг., она и называлась бы как-нибудь совсем по-другому. Директор ИМРД Т.Т.Тимофеев, предоставляя своим сотрудникам редкую для советских реалий степень свободы в содержании их исследований, неизменно настаивал на как можно большей классово-идеологической зубодробительности названий публикуемых ими работ – вполне рационально объясняя это тем, что в ЦК все равно, кроме названий, ничего читать не будут...**

Но к строгому анализу происхождения и взаимоотношений французских политических субкультур прибавляется теперь и нечто иное. Эмпирический страновой материал, все еще доминируя, становится питательной почвой для размышлений о более глубоких слоях

* Я не смог бы даже приблизиться к решению этой сложнейшей задачи без помощи тех близких Салмину – в разное время и в разной степени – людей, которые любезно согласились со мной побеседовать о нем самом и о «Современной демократии». Вот их имена: Игорь Михайлович Бунин, Александр Абрамович Галкин, Борис Игоревич Макаренко, Сергей Васильевич Михайлов, Юрий Сергеевич Пивоваров, Георгий Александрович Сатаров. Всем им я выражаю свою искреннюю, совершенно не ритуальную признательность.

** Так вышло с первой монографией Салмина. Изошренное исследование электорального поведения французов в XX в., не имеющее ничего общего с унылой продукцией штатных «марксистов-ленинистов», именовалось «Промышленные рабочие Франции» – и только мелким шрифтом: «К изучению сдвигов в политическом поведении» (М.: Наука, 1984). В одном из появившихся после кончины Салмина некрологов оно названо «настоящей Библией» для студентов и молодых ученых, занимавшихся историей и политологией в начале 1980-х годов (Президиум Совета по внешней и оборонной политике: Россия потеряла великого ученого // http://www.svor.ru/live/news.asp?n_id=24534); но скольких потенциальных читателей отпугнули сами по себе ни в чем не повинные, но наводящие такую непереносимую тоску «промышленные рабочие»?

даже не только демократии, но политики *per se*, о ее онтологии – которая, как выясняется, не может быть достаточно понята в отвлечении от религиозного измерения западной цивилизации. В частности, Салмин демонстрирует, каким образом политическая субкультура французского католичества, несмотря на ее, мягко говоря, сложные отношения с господствующим секуляризмом, становится тем не менее необходимым элементом «демократического синтеза». Да, собственно, и сам феномен секуляризации, во Франции, бесспорно, получивший наиболее четкое выражение, оказывается не автономным явлением, но эпифеноменом той же христианской религиозности. Эта проблематика остро волновала Салмина уже давно и прорывалась даже в его ранних, еще подцензурных работах (а надо помнить, что при всей своей умягченности цензура в «придворных» академических институтах все-таки существовала и периодически показывала клыки, как, например, в ходе погрома Института конкретных социальных исследований). Теперь о ней можно писать свободно, можно даже публиковать напечатанное без грифа «ДСП». И книга выходит в свет. Тиражом *шестьсот шестьдесят* экземпляров, напечатанных вкривь и вкось на плохой бумаге. И остается, в общем, незамеченной.

Было *не до того*. Страна мучительно пересоздавалась (август 1991 г., правда, миновал; но кровь октября 1993 г. уже вполне можно предвидеть), причем, в отличие от всех иных посткоммунистических политий, не могла сколько-нибудь убедительно объяснить происходящее с ней при помощи входившего в моду термина «демократический транзит». В тогдашнем своем изводе – в отличие от первого, относившегося исключительно к странам Южной Европы и Латинской Америки, – он автоматически подразумевал наличие национального консенсуса относительно начальной (навязанной чуждой силой) и конечной (заведомо органичной, логически выводимой из действительного или фальсифицированного прошлого, но, вот досада, временно заблокированной той же чуждой силой) точек перехода. Это делало прочерчивание маршрута между этими точками задачей скорее технической. Россия же должна была оттолкнуться не от фигуры оккупанта, но от самой себя – и заново стать самой же собой, не столько перейти, сколько преобразиться. Это, кстати, тоже салминская мысль (см. его большую статью «Метаморфоза российской демократии: от спонтанности к импровизации?» // *Полития*. 2003. № 3. С. 5–59, esp. 46–53), еще совершенно не утратившая актуальности – и утратит ее она нескоро... Да, было просто не до того. И дело даже не только в естественной в таких обстоятельствах сосредоточенности мыслящего класса на местных, своих, подирающих по коже сюжетах, затронувшей и ближайший круг коллег Салмина – а при таком мизерном тираже, в(ы)брошенном в вихрящуюся социальную и интеллектуальную реальность, только они, по сути, и имели возможность прочесть книгу. Хотя и этот фактор сыграл свою роль. Вдумчивое внимание к *чуждому* было понятно и горячо одобряемо тогда, когда о *своем* писать честно было нельзя*. Но теперь-то можно было и о своем, причем сразу со всей наболевшей прямоотой. Так зачем нам какая-то Франция, какие-то невразумительные ротюрье, кагуляры, Детюты де Траси, Бенжамены Констаны и проч.? «Что нам Гекуба?».

Но было и другое. Тут я вступаю на довольно зыбкую почву – и должен предварить следующий шаг по ней той важной оговоркой, что нижеследующее предположение не является вовсе гадательным, но основано на некоторых высказываниях тесно связанных с Салминым в те годы людей из числа упомянутых в одной из сносок выше. Так вот – складывается впечатление, что от него ждали чего-то совсем иного. Ждали, что теперь, вдохнув долгожданного воздуха свободы, он извлечет из своих тайников нечто неслыханное, нечто, чуть ли не разрешающее «вечные вопросы» (впрочем, подразумевались тут, скорее всего, «вечные *русские* вопросы»). Надо ведь учитывать то сокрушительное впечатление, которое производил масштаб его личности при непосредственном контакте – даже незави-

* Впрочем, иногда оно и не было подлинным вниманием – чужая фактура только приспособлялась для удобства демонстрации фиги в кармане. К этой эзоповой, то есть рабской, стратегии салминские штудии не имели никакого отношения.

симо от степени близости такого контакта, которую Салмин всегда жестко регулировал (и то, и другое я могу засвидетельствовать лично; последнее – не без боли). Впечатление это было настолько обжигающим и несомненным, что даже совсем не склонные к экзальтации наблюдатели без обиняков именовали его гением (раньше, надо думать, про себя, – как бы саркастически Салмин хохотал, услышав нечто подобное! – теперь в полный голос**). И тут вместо чаемого откровения – просто очень качественное (а другого никто и не ждал), строго научное исследование, только названием своим обещающее какую-то связь с волнующими всех проблемами («демократия» же!), а на деле повествующее о чем-то во всех смыслах далеком... Наверное, в 1992 г. выпуск именно такой книги могли объяснять просто инерцией – мол, не пропадать же собранному материалу? Однако это объяснение – в том допущении, что оно действительно кому-то приходило в голову, что кто-то вообще имел время и возможность об этом подумать, – было поверхностным и неубедительным.

Прошло пять лет. Пять лет, полных до краев и свыше края. Пик деятельного участия Салмина в практической политике, о котором уже упоминалось в редакционном введении, пришелся именно на эти годы. Было многое: предпринятая вместе с группой коллег по Президентскому Совету и командой помощников президента Ельцина попытка остановить начало первой чеченской войны (увы, безуспешная), участие в разработке и реализации того, возможно, единственного сценария, который позволил в 1996 г. провести страну через выборы, а не через переворот (и поскольку здесь как раз был достигнут полный успех, он и остается недооцененным и практически не упоминаемым – а шансы-то складывались тогда совсем в другую, гораздо более опасную сторону) etc., etc.... Следует помнить и еще об одном обстоятельстве – для всего этого круга «советских интеллектуалов» тогда впервые распахнулся внешний мир. И вовсе не как вместилище какой-то там «колбасы», а как та самая «страна святых чудес», которую они почти поголовно были вынуждены – и умели! – знать и понимать *вслепую*, без какого-либо прямого контакта. Нынешнему молодому читателю это, наверное, вообще непредставимо, но первый в жизни визит Салмина – уже состоявшегося специалиста-франковеда, более того, утонченного знатока Запада вообще – за границу СССР состоялся (то есть был разрешен *органами* – выездные визы еще требовались) в 1986 г. Причем совсем даже и не во Францию – только в Болгарию... Конечно, они бросились путешествовать: Париж, Лондон, Берлин, Нью-Йорк, Рио-де-Жанейро... Для многих это стало как бы самоценным занятием; Салмин тоже его любил. К тому же он возглавил (фактически переучредил заново) Фонд «Российский общественно-политический центр» – возникли рутинные обязанности его президента; к тому же им создан журнал «Полития» – добавилась каждодневная работа главного редактора; да многочисленные статьи – *ad hoc* и не только; да всяческие интервью; да посольские приемы, на которые его вдруг начали непрерывно звать... И вот внезапно выяснилось, что во всей этой круговерти он не оставил своей прямой работы. В 1997 г. появляется новая, другая «Современная демократия».

Не то чтобы она осталась такой же незамеченной, как первая книга под этим названием, нет. Все-таки тираж уже три тысячи; все-таки издана она Московской школой политических исследований, а значит, сразу становится доступна многим сотням ее слушателей; да и уже возникла в стране (по крайней мере, в столицах и крупнейших центрах) сеть «интеллектуальной» книготорговли, в которой тома «Библиотеки МШПИ» всегда привлекают повышенное внимание... Но происходит иное – теперь она не вызывает особого интереса у маститых коллег того же или предыдущего поколения (то есть как раз у тех, чье квалифицированное мнение, надо думать, было важно Салмину в наибольшей степени). Опять же понятно, почему – продолжают те годы, которые все мои собеседники, не сговариваясь, называли «сумасшедшими» (причем скорее в позитивном ключе), более того, градус «сумасшествия», пожалуй, еще вырос сравнительно с 1992 г. Одни, открыв для себя увле-

** См., напр.: Пивоваров Ю.С. Мой друг Алексей Салмин // Салмин А.М. Шесть портретов. – СПб.: Алетейя, 2008. С. 293.

кательный мир политических технологий, совсем уходят из науки; другие, оставшись в профессии, поглощены собственными учеными занятиями, развивающимися уже в совершенно иных направлениях (настала оттепель, и когда-то примороженные друг к другу льдины расходятся – это естественно); третьи, даже получив том с дарственной надписью, *не поняли*, что он отнюдь не представляет собой реплику издания 1992 г. – и просто *не стали читать* (комментировать это открытие, сделанное мною в ходе той же серии интервью, я решительно не в силах).

С другой стороны, теперь «Современная демократия» получила читателей, относящихся уже к следующему поколению – и по меньшей мере некоторых из них, что называется, «перепахала». Тут, конечно, прежде всего подразумевается мой собственный опыт, который и привел к тому, что год спустя я пришел к Салмину и попросил взять меня на работу – в любом качестве; но доподлинно известно, что аналогичное воздействие, разве что за вычетом столь нахального практического вывода, книга оказала и на других. Правда, это поколение, если говорить о его присутствии в социальном и гуманитарном знании, в численном измерении пренебрежимо мало: в 1990-е гг. предпочтение науки множеству гораздо более осмысленных с прагматической точки зрения занятий выглядело если не глупостью, то по крайней мере чудачеством. Что же до науки политической, то в ее случае добавлялся еще один соблазн: большинство вступавших на соответствующую стезю немедленно поглощал тот самый увлекательный (я сознательно второй раз пишу это слово без кавычек и без иронии – он увлекателен по-настоящему, он захватывает всерьез) мир политических технологий. Совместить страсть к «движухе» и любовь к истине трудно; в ситуации выбора между ними в жертву обычно приносится истина.

Однако даже с учетом этих обстоятельств некоторая аудитория у «Современной демократии» появилась. И все равно – что-то не сработало. Что именно?

Выше уже говорилось, что в письменном наследии Салмина эта книга лидирует по частоте упоминаний. Но большинство их приходится на программы университетских курсов, осмысленное же цитирование – то есть включение сформулированных Салминым тезисов, гипотез, догадок в собственное научное движение, использование их в качестве опоры для следующего шага вглубь – случается гораздо реже. Почти не случается. К числу значимых для той или иной области науки произведений обычно относят те, появление которых запускает протяженные и ветвящиеся интеллектуальные процессы, те, чье эхо звучит долго и разнообразно. Эхо «Современной демократии» пока неразличимо. Впрочем, дурная акустика зала способна испортить самое виртуозное исполнение – особенно если в зале сидят глухонемые.

Тут можно было бы приступить к составлению реестра рассыпанных по главам «Современной демократии» недооцененных идей и даже прозрений, актуализация которых кажется сегодня особенно важной. Но вряд ли это осмысленно. Во-первых, книга – вот она, так сказать, *ante faciem*; все в ней. Во-вторых, этот перечень наверняка оказался бы субъективным – в такой сокровищнице каждый отыскивает свои драгоценности. Так что лучше, наверное, сосредоточиться не на отдельных (пусть даже очень значительных) конструктивных элементах этого текста, а на тексте как таковом, как некоей цельности. Цельным же – то есть определенным феноменом, в кантовском понимании термина, – текст делает язык. И вот кажется, что главное затруднение в случае «Современной демократии» связано с ее языком.

Речь не о собственно русском литературном языке – он, конечно, сложен, местами нарочито прихотлив (всегда оставаясь безупречным с точки зрения нормы), но логика изложения соблюдается с неизменной жесткостью. Да, она не прямолинейна, чтобы не упустить ее на многочисленных поворотах и порогах, требуется известное напряжение (то же, кстати, касалось и восприятия устных выступлений Салмина) – но кто обещал, что будет легко? Кто вообще сказал, что о таких сложных вещах, как многообразные способы, которыми человек устраивает свое существование, можно говорить просто? Простота действи-

тельно бывает хуже воровства; а речь должна быть сообразна своему предмету. Иногда без усилия не обойтись.

Так что речь о «языке» в несколько другом смысле – о языке науки. О «синтаксисе» выраженной по-русски научной мысли. Я впервые прочел «Современную демократию» в 1997 г. и хорошо помню главное тогдашнее впечатление – раньше так по-русски никто не говорил. Это сочетание высокой философии, как бы обнимающей свой предмет со всех сторон и одновременно остающейся где-то над ним*, с удивительно плотным, очень «западным», по-настоящему *thick description* конкретных сторон этого предмета, коллизий и ситуаций, возникавших в ходе его эволюции, показалось тогда чем-то невероятным, открывающим нашей политической науке грандиозные перспективы. С тех пор я перечитывал книгу не единожды, последний (то есть, конечно, не последний) раз в процессе подготовки этого издания. Прежнее впечатление осталось в силе; но к нему добавилось еще одно. Да, так раньше никто не говорил. И, видимо, уже и не будет.

Ведь откуда взялся этот язык? Конечно, создать его мог только сам Салмин, обретение языка – вообще очень персональное, даже интимное дело. Но внешние обстоятельства его все-таки тоже формировали. В таких «красных Кастанях», как ИМРД и ИНИОН, Салмин имел сравнительно (с менее удачливыми коллегами) широкий доступ к современной западной литературе. Отсюда, безусловно, и выбор ее стандартов (причем сразу наивысших) в качестве одного из личных ориентиров, всяко более привлекательного, чем доморощенная идеологическая жвачка. Но все-таки этот доступ тоже был довольно ограничен – и, главное, ограничена была возможность обратной связи, непосредственного научного взаимодействия, интеллектуального обмена. И тогда Салмину пришлось поневоле выбрать себе еще один ориентир, других собеседников – более отдаленных во времени, зато не запретных. Аристотель и Гегель, Гизо и Кант, Монтескье и Руссо... Ему *поневоле* пришлось встать с ними на равную ногу (что пытались тогда многие из тех, кому выпало «родиться в России с умом и талантом») – и ему удалось удержаться на этом уровне (а это как раз мало кому удалось). Сказанное относится, конечно, еще к 1970-м – 1980-м гг., но и в девяностые, и в двухтысячные он продолжал держаться тех же правил. В результате возник уникальный сплав, приводящий на ум отзыв Сент-Бёва об одном из любимейших собеседников Салмина: «Токвиль по вопросу о демократии (*sic!* – С.К.), точно так же, как и в философских вопросах... не держится на поверхности, но и никогда не доходит до дна. Везде есть бездны, которые он не исследует»*. Не очередная малопритязательная «теория среднего уровня», а сдержанно-достойный образ науки как ответственного *дисциплинированного знания*, не чурающегося большого, не брезгующего малым – и поддерживающего баланс между ними, не скатываясь ни в ту, ни в другую крайность.

Однако этот «средний путь» слишком похож на лезвие бритвы. И за Салминым по нему не смог продвинуться почти никто. Одни скатились в сторону визионерской историософии (преимущественно о «судьбах России»), то погружаясь в бессодержательные спекуляции, то не скрывая стремления «пасти народы». К науке ни то, ни другое не имеет ни малейшего отношения. Они очертя голову ринулись в те самые бездны, в которые бесстрашно заглядывали, но между которыми проходили Токвиль и Салмин. И бездны, как это им свойственно, поглотили их. Другие удовлетворились трансплантацией на отечественную почву *strong political science*, умножая количество дельных, без сомнения полезных работ – но ничего, совсем ничего не говорящих о политической истине и политическом благе. В результате сегодня эта книга стала чуть ли не более герметичной, более *энигматической* (одно из любимых Салминым словечек), чем была и в 1992, и в 1997 гг. Вокруг «Современной демократии» не сложилось никакого адекватного ей контекста; на-

* Если бы не боязнь впадения в комический пафос, так прямо и сказал бы – на вершинах духа. Убрать эти слова в сноску – паллиативное решение.

* Цит. по: Эйхталь Е. Алексис де Токвиль и либеральная демократия. – СПб.: XX век, 1902. С. 295.

против, нынешняя среда ее отторгает. Всем своим собеседникам я задавал (в различающихся формулировках) именно вопрос о контексте: «с какой полки эта книга»? Он вызывал замешательство; на него почти никто не смог ответить. Я тоже не могу. И все-таки мы ее переиздаем. На что мы надеемся?

Вновь повторю: конечно, в «Современной демократии» очень многое определено личностью Салмина – личностью, которую он путем постоянной авторефлексии сам и выстраивал. В воспоминаниях о нем все время возникают два «портрета», две группы эпитетов: с одной стороны, настоящий русский интеллигент добольшевицкого времени, не чуждый некоторой барственности профессор; с другой стороны, истинный европеец, джентльмен, шевалье, знающий Венецию лучше венецианцев, Шекспира – лучше среднего выпускника «Оксбриджа», прирожденный полиглот... чуть не продолжил автоматически «космополит». Что нет, то нет – с этим он не шутил. Хорошо помню, как однажды в беседе с ним сдуру ляпнул: «Ну, Вы же гражданин мира...». Как яростно он взревел в ответ: «Кто, я?!!». Он знал и любил многие политии; но глубокое гражданское чувство – как все подлинные чувства, не предназначавшееся для демонстративного употребления, – связывало его с Россией. И тут не было никакого дуализма, только органически цельная индивидуальность. Наверное, лучше всего сочетается точность с лапидарностью заголовков некролога, написанного Борисом Макаренко: «Русский европеец» (Полития. 2005. № 3. С. 4–7). Как подобная индивидуальность смогла взрасти (взрастить себя) в Союзе Советских Социалистических Республик? Ignoramus et ignorabimus. Думаю, что дальнейшая судьба научного наследия Салмина зависит от того, возникнет ли в России критическая масса «человеческого материала», отвечающего определению Макаренко. Трудно сказать, случится ли это; пока не очень похоже. Но, с другой стороны, как еще его создавать, если не возвращая в публичный оборот книги, показывающие, что жить, думать, писать *так* – можно? Вот на то, что не все это семя упадет в терние, мы и надеемся. Больше-то не на что.

И последнее. Я совершенно сознаю, что это предисловие получилось более личным, чем это позволительно для научного издания. Ничего не могу поделать – это действительно *personal affair*. Но мой личный долг касается только меня (и он еще далеко не исполнен). А сверх того хотелось бы, чтобы интеллектуальное сообщество России, и в особенности пополняющие его новые возрастные когорты, помнило о тех людях, которым оно *задолжало*, о тех, кто показал и доказал самоё возможность честной и свободной гуманитарной науки на русском языке. Салмин – один из них.